Научная статья

УДК 297(581)«19/20»

DOI: 10.37724/RSU.2021.72.3.010

Политический ислам в общественной жизни Афганистана (конец XX — начало XXI века)

Александр Мануэльевич Родригес-Фернандес

Московский педагогический государственный университет,

Москва, Россия

am.rodriques-fernandes@mpgu.su

Аннотация. Период, рассмотренный в статье, был отмечен серьезными потрясениями в регионе Ближнего и Среднего Востока. В Афганистане ситуация складывалась сложнее и трагичнее, чем в окружающих его мусульманских странах. Предшествующие политические потрясения и последовавшие вслед за ними гражданская война и американская интервенция предопределили фактическую дезорганизацию многонационального государства. Можно констатировать, что на современном этапе Афганистан представляет собой скорее географическое понятие с условным названием «Исламская республика» (с 2002 года). Главным признаком такого состояния становится полуфеодалная раздробленность, базирующаяся на этнонациональном принципе. Вторым признаком является слабая, по сути лишь номинальная центральная власть во главе с президентами — фактическими ставленниками США. Эта власть не имеет опоры в афганском обществе, где почти за полвека изнурительной войны практически уничтожена прежняя политическая элита, а население не подчиняется центральным государственным органам на протяжении десятилетий. К этим признакам следует отнести и то обстоятельство, что новые поколения афганцев вырастали в условиях непрекращающейся войны, формирующей определенный психологический климат в обществе, уже не представляющем без нее своего существования. В статье использованы доступные источники по современной военно-политической, социально-экономической и этноконфессиональной ситуации в Афганистане. Среди них определенный интерес представляют путевые заметки американских и французских экспертов Р. Морейя и О. Вебера, специализирующихся в вопросах экономической и гуманитарной помощи. По всей видимости, их опубликованные в западной прессе впечатления очевидцев являются литературным продолжением служебных рапортов, но даже в этом случае они содержат живой фактический материал. Необходимым дополнением являются статистические отчеты и сборники документов ООН, где отражены проблемы и неудачи афганских властей в осуществлении составленных американскими экспертами программ экономической и социальной модернизации Афганистана. В сущности, источниковая база по современным реалиям афганской истории удручающе бедна, а упомянутые выше материалы вполне соответствуют проблематике статьи.

Ключевые слова: исламизм, диктатура, экономика, кризис, гражданская война, экспансия, западная демократия.

Для цитирования: Родригес-Фернандес А. М. Политический ислам в общественной жизни Афганистана (конец XX — начало XXI века) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 3 (72). [С. 98–104. DOI: 10.37724/RSU.2021.72.3.010.](#)

Original article

Political Islam in the Social Life of Afghanistan (Late 20th — Early 21st Centuries)

Alexander M. Rodriguez-Fernandez

Moscow State Pedagogical University, Moscow Russia

am.rodriques-fernandes@mpgu.su

Abstract. The period investigated in the article was marred by serious upheavals in the Middle East. The situation in Afghanistan was more tragic and complicated than the situation in adjacent countries. The political commotion, the ensuing civil conflict and American intervention plunged the multinational country into political disarray. At present (since 2002) Afghanistan is a geographical location that can be tentatively called an Islamic Republic. It is characterized by ethnic fragmentation (a feudal anachronism), nominal centralized government headed by a US protégé. The government is not supported by Afghan society, there has been more than a half century of conflict which has claimed lives of many politicians, the government has been ignored by the population for several decades. The new generations of Afghan people grew under the conditions of a never-ending war, which has a gruesome impact on society. The article uses available sources on modern military, political, social, economic, ethnic and confessional situation in Afghanistan. Special attention is given to travel notes written by American and French experts R. Morey and O. Weber, who specialize in economic and humanitarian aid. The travel notes published by western media are an interpretation of official reports, but they discuss real life situations. The article also analyzes statistical reports and UN documents which describe problems and failures of the Afghan government to carry out economic and social modernization plans elaborated by American experts. It should be noted that there are depressingly few sources one can rely on when exploring modern Afghan history and the aforementioned sources meet the requirements of the article.

Keywords: Islamism, dictatorship, economy, crisis, civil conflict, expansion, western democracy.

For citation: Rodriguez-Fernandez A. M. Political Islam in the Social Life of Afghanistan (Late 20th — Early 21st Centuries). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2021; 3 (72):98–104. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.72.3.010.

Внутриполитическая и внешнеполитическая ситуация в Афганистане, оказавшемся в самом центре социальных и этноконфессиональных разломов в конце XX — начале XXI века, складывается гораздо сложнее и трагичнее, чем в окружающих его мусульманских государствах.

В предшествующий период активация внутриполитической жизни, конституционная реформа конца 1960-х — начала 1970-х годов способствовали дальнейшему размежеванию общества, не обошедшему стороной и круги мусульманских богословов. В условиях усугубляющегося кризиса и с целью упреждения возможности захвата власти снизу (а в условиях Афганистана это уже случалось) задачу по ликвидации монархического строя взяла на себя армия. В ночь с 16 на 17 июля 1973 года группа офицеров, возглавляемая бывшим премьер-министром и членом королевской семьи Мухаммадом Даудом, совершила государственный переворот, в результате которого монархия была упразднена и в Афганистане установилась республика. Впрочем, на деле возникло скорее авторитарно-республиканское образование с восточной спецификой; новая конституция 1977 года юридически закрепила сложившуюся к этому времени форму власти — режим личной диктатуры М. Дауда.

Уже самые первые политические потрясения стоили малоподготовленному полуфеодальному-полупатриархальному афганскому обществу больших человеческих жертв и предопределили распад многонационального государства, единство которого традиционно удерживалось королевской властью, опиравшейся, с одной стороны, на этническое преобладание пуштунов, а с другой — на вождей племен и местных феодалов, с учетом местных традиций и обычаев. Статус-кво в афганском обществе имел еще одну крепкую цементирующую силу — ислам, объединявший этносы и общественно-политические течения многоукладной страны.

Следующим этапом, усугубившим разрушение еще стадийно неподготовленного афганского социума, стали Апрельская революция 1978 года, провозгласившая в стране Демократическую республику (ДРА), и последующий ввод советских войск по просьбе нового революционного режима (декабрь 1979 года).

Этот период характеризовался не только жестокой гражданской войной, но и созданием этнонациональных военных формирований, которые имели собственное руководство и контролировали свои национальные территории. Начался период распада и территориально-этнической раздробленности Афганистана, продолжающийся до сих пор. Центральная власть в стране фактически прекратила свое существование, так как не имела не только моральной, но и материальной поддержки общества. Крах биполярной системы на рубеже тысячелетий лишь углубил этноцентристские тенденции и межнациональные проблемы в пределах страны.

Афганское население достаточно тяжело воспринимало большинство новых идей и основанных на них проектов модернизации в первую очередь потому, что они не опирались на исламские традиции и обычаи, не были связаны с цивилизационным фундаментом мусульманского

общества и, что не менее важно, противоречили собственно афганским кланово-племенным традициям, так называемому «обычному праву». Вывод советских войск при последовавшем вскоре распаде СССР только усугубил политический хаос в почти двадцатимиллионной стране, сопровождавшийся ее экономическим коллапсом. При этом зачастую антиисламская политика революционных правителей страны в 1970–1980-е годы способствовала тому, что наиболее активно противостоявшие им мусульманские фундаменталисты перешли в решительное наступление, заявив свои претензии на власть в государстве с целью создания «исламской республики».

Сопrotивление центральной власти в Афганистане, быстро терявшей социальную опору, принимало яркую этнонациональную окраску и поддерживалось не только Западом, но и мусульманскими странами, в частности нефтедобывающими арабийскими монархиями и соседними Пакистаном и Ираном.

В апреле 1992 года в стране фактически произошла исламская революция, вследствие которой бывший в то время президентом Наджибулла, лишенный поддержки с Севера, добровольно передал власть моджахедам. Это была не только победа афганской вооруженной оппозиции, но и реванш ислама, претендующего на роль единственной силы, способной объединить общество. Тем не менее мусульманская оппозиция, так долго стремившаяся к власти, оказалась неспособной ею эффективно распорядиться в первую очередь из-за создания отдельных региональных национально-этнических силовых центров, которые имели собственные вооруженные формирования и не признавали центральное правительство в Кабуле.

Новая система государственного управления, созданная моджахедами, сама по себе была отнюдь не теократической. Но регуляторные функции в общественно-политической жизни страны стали осуществляться в соответствии с принципами ислама, а страна по примеру соседних Пакистана и Ирана была переименована в Исламское Государство Афганистан. Возобновить унитарное афганское государство попытались фундаменталисты-талибы, контролировавшие к 2001 году 95 % территории страны. Такой конфессионально-цивилизационный выбор в целом соответствовал многовековым местным традициям и обычаям, но по сравнению с ними отличался невиданной ранее суровостью и жестокостью при насаждении крайне ортодоксального ислама. Поэтому режим талибов не воспринимался не только Западом и Россией, но и абсолютным большинством мусульманских государств, за исключением разве что Пакистана, Саудовской Аравии и Судана.

Впрочем, курс нового режима в целом соответствовал представлениям преобладающей части афганцев о путях и средствах решения насущных проблем обескровленного государства. Главные цели, провозглашенные талибами, состояли в освобождении страны от власти враждующих группировок моджахедов, восстановлении гражданского мира и обеспечении неукоснительного соблюдения всеми членами общества законов ислама. Принципиальность представителей этой группировки, последовательное воплощение в жизнь поставленных задач, аскетизм и коллективная ответственность, пресечение грабежей и рэкета, быстрая и решительная расправа с мародерами, стремление избегать кровопролития между единоверцами даже в условиях войны обеспечили им симпатии простых афганцев и почти полное отсутствие сопротивления им на пути продвижения к Кабулу. Во главе нового режима стали муллы, которые провозгласили создание в стране Исламского Эмирата Афганистан, где религия соединилась с властью, образовав жесткий теократический, клерикально-авторитарный режим.

Талибы, действительно представляя собой реальную военную и религиозно-политическую силу, старались создать в центре Азии плацдарм мусульманского фундаментализма, поэтому начали осуществлять политику исламизации всех сторон общественной и частной жизни. На протяжении пятилетнего пребывания у власти им удалось создать на контролируемых территориях могущественный репрессивный аппарат и довольно эффективную вертикаль исполнительной и судебной власти, упрочив тем самым свою религиозно-политическую диктатуру. Однако вторжение осенью 2001 года в Афганистан возглавляемых США сил НАТО под предлогом борьбы с международным терроризмом, в частности с базировавшимся в этой стране ортодоксально-экстремистским движением Аль-Каида, привело к свержению талибов. По сути, это было не просто вмешательство во внутренние дела независимого государства, но его фактическая оккупация. Американцы с их союзниками привели к власти прозападного умеренного лидера Х. Карзая и обеспечили ему антураж легитимного всенародного избрания в президенты страны. Однако вследствие этого Афганистан оказался еще более разделенным на отдельные, контролируемые местными кланово-племенными лидерами, этнотерриториальные образования.

Сегодня мы можем констатировать, что Афганистан представляет собой скорее географическое понятие, в то время как даже при талибах он сохранял все признаки

государственного объединения, пусть даже откровенно религиозно-авторитарного характера. В начале XXI века главным признаком Исламской Республики Афганистан является полуфеодальная раздробленность, базирующаяся на этнонациональном принципе, когда лидер той или иной этнической группы одновременно выступает военным руководителем национально-военного формирования, а также политическим единоличным лидером того или иного региона. Власть местных полевых командиров-феодалов опирается на мощные военизированные контингенты общей численностью до 100 тыс. хорошо вооруженных воинов, имеющих многолетний опыт ведения боевых действий.

Вторым признаком современного афганского государства является слабая центральная власть во главе с фактическим ставленником США президентом Х. Карзаем (с 29 сентября 2014 — его преемником Ашрафом Гани). Президентская власть по сути лишь номинальна и распространяется исключительно на территорию столицы. Ее слабость заключается в первую очередь в том, что она не имеет опоры в афганском обществе, где за тридцать лет изнурительной войны практически уничтожена прежняя политическая элита, национальная армия только начинает формироваться, реальной властью на местах выступают местные административно-клановые структуры во главе с собственными этнотерриториальными предводителями, а население не подчиняется центральным государственным органам на протяжении десятилетий.

К признакам современного Афганистана следует отнести и то, что уже третье поколение жителей страны вырастает в условиях непрекращающейся войны, формирующей определенный психологический климат в этом обществе, не представляющем без нее своего существования.

Все эти социально-политические факторы накладываются на практически парализованную экономику. По оценкам экспертов Международного валютного фонда, существует реальная угроза сползания Афганистана к положению «наркогосударства, где все законные институты будут пронизаны властью и богатством наркодельцов». На собрании стран-доноров Афганистана в Дубае в сентябре 2003 года министр финансов (и будущий президент) А. Гани указал, что некоторые члены действующего правительства «уже достигли нарко-мафиозного статуса» [Wesolowsky, 2003, p. 58–59]. Согласно оценкам Мирового банка, больше 50 % экономики Афганистана завязано на наркоторговле. Совокупная прибыль хозяев маковых плантаций и наркодельцов в 2003 году увеличилась почти вдвое и составила 2,23 млрд долл. по сравнению с 1,3 млрд в 2002 году [Макгирк, 2004, с. 11]. Контрабанда героина уже давно является основным источником финансирования армий местных князьков, всеми силами препятствующих попыткам Х. Карзая расширить сферу своего влияния за пределы Кабула и по сути игнорирующих социальные проблемы — 70 % населения страны живет в условиях крайней бедности.

Необходимо подчеркнуть, что американская кампания осени 2001 года была сугубо военной операцией, не имевшей, вопреки официальным декларациям, целью действительно глубокую перестройку государства и общества. Афганистан очередной раз напомнил, что, как метко указал американский журнал “Newsweek”, «задачи национального строительства легче очертить, чем выполнить» [Moгеau, 2003, p. 24]. Разработанная ООН программа развития Афганистана, его «разоружения, демобилизации и реинтеграции» предусматривает, конечно, не только сокращение численности военных формирований, их переобучение, но и создание новых профессий и рабочих мест. Однако существующие социально-экономические проблемы не дают возможности следовать упомянутой программе: среди всех постконфликтных государств и территорий Афганистан получает наименьшую финансовую помощь на душу населения. Если, например, годовой объем такой помощи в пересчете на жителя Косово составляет в среднем 250 долл., то аналогичный показатель в пересчете на каждого афганца едва дотягивает до 42 долл. [Musil, 2008, p. 38].

Среди важнейших достижений правительства Х. Карзая бесспорной победой можно считать проведение заседания Всеафганского собрания народных представителей (Лоя джирги), на котором в январе 2004 года была принята новая конституция страны. Она унаследовала много демократических позиций предыдущих конституций (например, 1964 года) и содержит положения, теоретически позволяющие сохранить единство страны, гарантирует всем гражданам равные права и свободы. Но эти демократические принципы и положения, обычные для западных конституций, не играют существенной роли в повседневной жизни расколотого и милитаризованного афганского общества.

При этом основной закон лишь формально закрепил компромисс между светской и духовной властью, что отразило реалии внутривластной ситуации в стране, которую, как и раньше, во многом определяют бывшие религиозно-политические лидеры моджахедов, имеющие на местах преобладающее влияние. По оценкам экспертов ООН, половина из 32 афганских провинций, расположенных преимущественно на юге страны, является чрезвычайно опасной для

деятельности международных сил и их представительств [Cole, 2003, p. 57]. Север Афганистана фактически контролировался двумя полевыми командирами — узбеком Р. Дустумом и таджиком А. Мохаммедом, а в пуштунских горах пребывали многие уцелевшие талибы, усиливавшие партизанскую борьбу на востоке страны. Вместе с тем регулярно создавались и рассыпались кратковременные альянсы, как, например, между талибами с бывшим лидером пуштунских моджахедов Г. Хекматъяром весной 2003 года [Epstein, Guilloateau, 2004, p. 42].

В отличие от борющегося юга, на севере страны положение было более спокойным, хотя и здесь соперники, несмотря на присутствие британских войск, иногда выясняли отношения между собой силой оружия [Ali, 2003, pp. 56, 57]. Необходимо подчеркнуть, что экономический подъем страны мог бы при благополучных условиях также начаться именно с севера. По подсчетам американских геологов, здесь находится 142 млрд м³ нефти и газа и приблизительно еще 765 млрд недоказанных залежей, что составляет четверть туркменских запасов — это гипотетически позволяет сформировать новую экономическую стратегию [Thomas, 2010, p. 56]. Поэтому важнейшей задачей центральной власти является поиск путей к сотрудничеству и согласию с местными полевыми командирами, которые контролируют эту территорию, а они, с одной стороны, тесно сотрудничают с Узбекистаном, Таджикистаном, Россией, Китаем и Ираном, с другой — имеют дружеские и полезные для обеих сторон связи с таджиками в других провинциях самого Афганистана.

Анализ событий в современном Афганистане позволяет сделать некоторые обобщения и выводы. Во-первых, в сложившихся обстоятельствах идея создания унитарного национально-государственного образования в Афганистане неосуществима. Сама полиэтническая природа афганского социума требует конфедеративных основ политического устройства с учетом прав и интересов всех этнических групп. Любой, даже религиозно-политический диктат (будь то очередной успех «Талибана» или ИГИЛ), может стать лишь жестким, а потому временным и неустойчивым периодом в расколотом войнами обществе. Во-вторых, попытки насаждения атрибутов западной демократии насильственными методами не воспринимались и не воспринимаются афганским обществом, привыкшим отвечать на силовое давление вооруженным сопротивлением. В-третьих, Афганистан нуждается в продолжительном периоде общего оздоровления, при том что ему необходимо определиться с политическими и экономическими приоритетами. В-четвертых, Афганистан испытывает острую потребность в привлечении широкой международной финансовой помощи не только для разработки планов развития хозяйственного комплекса, но и с целью поиска новых путей получения прибыли, среди которых могут быть как разработка нефтяных месторождений на севере, прокладывание нефте- и газопроводов, так и восстановление торговых путей, которые издревле связывали Афганистан с Центральной и Южной Азией, Ближним Востоком и Европой.

Более конкретную перспективу развития афганского общества определить и очертить крайне проблематично ввиду существования многих отмеченных выше нерешенных проблем. Однако его цивилизационно-культурная, этнотерриториальная и социально-политическая основа с учетом ее сломов и искривлений в течение уже более чем трех десятилетий никак не свидетельствует в пользу укоренения в Афганистане навязываемых внешними силами демократических институтов западного типа. Более вероятным представляется, при стабилизации ситуации в стране, исламский вариант развития с опорой на традиционные цивилизационные и этнические ценности.

Список источников

1. Макгирк Т. Урожай дурмана // Столичные новости. — 2004. — № 29. — С. 11.
2. Ali Sh.T. Beyond Kabul // The Economist. — 2003, 18 Oct. — Pp. 56–57.
3. Cole D. Biting the Hand that Feeds // The Economist. — 2003, 4 Oct. — P. 57.
4. Epstein M., Guilloateau J.-P. Pakistan. Nos Reportes Racontent // L'Express. — 2004, 19 Jan. — P. 42.
5. Moreau R. Reining in the Warlords // Newsweek. — 2003, 28 Apr. — P. 24.
6. Musil S. Walking a Fine Line // Newsweek. — 2008, 9 June. — P. 38.
7. Thomas A. And there's Another Country // The Economist. — 2010, 13 Sept. — P. 56.
8. Weber O. Afghanistan. Les Etrangers en Ligne de Mire // Le Point. — 2003. — N 1604. — P. 41.
9. Wesolowsky B. Where Opium is Half of GDP // The Economist. — 2003, 27 Sept. — Pp. 58–59.

References

1. Makgirk T. Harvesting Opium. *Stolichnye novosti* [Capital News]. 2004, no. 29, pp. 11. (In Russian).
2. Ali Sh. T. Beyond Kabul. *The Economist*. 2003, Oct., 18, pp. 56–57.
3. Cole D. Biting the Hand that Feeds, *The Economist*. 2003, Oct., 4, p. 57.
4. Epstein M., Guilloteau J.-P. Pakistan. *Nos Reportes Racontent. L'Express*. 2004, Jan., 19, p. 42 (In French).
5. Moreau R. Reining in the Warlords. *Newsweek*. 2003, Apr., 28, p. 24.
6. Musil S. Walking a Fine Line. *Newsweek*. 2008, June, 9, p. 38.
7. Thomas A. And there's Another Country. *The Economist*. 2010, Sept., 13, p. 56.
8. Weber O. Afghanistan. *Les Etrangers en Ligne de Mire. Le Point*. 2003, N 1604, p. 41. (In French).
9. Wesolowsky B. Where Opium is Half of GDP. *The Economist*. 2003, Sept., 27, pp. 58–59.

Информация об авторе

Родригес-Фернандес Александр Мануэльевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Сфера научных интересов: экономическая и социально-политическая история арабских стран, проблемы ислама и исламизма.

Information about the author

Rodriguez-Fernandez Alexander Manuelyevich — Doctor of History, Professor in the Department of New and Modern History of Asia and Africa of the Institute of History and Political Studies at Moscow State Pedagogical University.

Research interests: economic and social-political history of Arabic countries, problems of Islam and Islamism.

Статья поступила в редакцию 17.01.2021; одобрена после рецензирования 09.03.2021; принята к публикации 17.04.2021.

The article was submitted 17.01.2021; approved after reviewing 09.03.2021; accepted for publication 17.04.2021.